

<https://doi.org/10.25312/j.10649>

Francesco Bressan <https://orcid.org/0009-0008-8654-3917>
University of Verona
e-mail: bressan.franz@gmail.com

«Язык придворных» как автобиографический мотив в прозе Л. Петрушевской

“The courtiers’ language” as autobiographical motif in the prose of L. Petrushevskaya

Аннотация

В данном исследовании выявляются функции «языка придворных» как автобиографического мотива в прозе Л. Петрушевской и определяется его роль в сохранении семейной и коллективной памяти. Материалом послужили автобиографические тексты писательницы: повесть «Маленькая девочка из „Метрополя“», эссе «Серебряный бор» и предисловие к книге «История глазами КРОКОДИЛА. Слова. 1922–1937». В работе применяется сравнительно-лингвистический метод в сочетании с мотивным анализом: «язык придворных» сопоставляется с описаниями детских тайных языков и тайного языка старообрядцев. В результате анализа установлено, что «язык придворных» представляет собой вариант тарбарского шифра, основанного на замене согласных, и функционирует в текстах Петрушевской одновременно как конспиративное средство общения в условиях сталинских репрессий и как нарративный инструмент воссоздания исторической атмосферы. Делается вывод о том, что данный мотив позволяет писательнице соединить личную биографию с коллективной травмой эпохи, превращая тайный язык в символ памяти о репрессиях 1930-х годов.

Ключевые слова: творчество Л. Петрушевской, автобиографический мотив, язык придворных, тайный язык

Abstract

This article examines the “courtiers’ language” as an autobiographical motif in the prose of L. Petrushevskaya and identifies its role in the preservation of family and collective memory. Three autobiographical texts by the writer are analysed: the novella *The Little Girl from the Metropol Hotel*, the essay “Serebryany Bor”, and the preface to the book *History Through the Eyes of KROKODIL. Words. 1922–1937*. The study employs a comparative linguistic method combined with motif analysis, comparing the “courtiers’ language” with descriptions of children’s secret languages and the secret language of the Old Believers. The analysis demonstrates that the “courtiers’ language” is a variant of the *tarabarsky* cipher – a consonant-substitution code – and operates in Petrushevskaya’s texts simultaneously as a means of covert communication under Stalinist repression and as a narrative device for reconstructing the historical atmosphere of the era. It is concluded that this motif enables the writer to interweave personal biography with the collective trauma of the period, transforming a secret code into a symbol of memory of the repressions of the 1930s.

Keywords: works of L. Petrushevskaya, autobiographical motif, courtiers’ language, secret language

Введение

Творчество Людмилы Петрушевской занимает особое место в современной русской литературе и относится к направлению, которое в литературоведении принято называть «женской прозой». В середине 80-х годов XX века в русской литературе активно обсуждался термин «женская проза», и с 1989 года стали выходить сборники современной женской литературы, включающие произведения как признанных, так и еще малоизвестных писательниц. В своих произведениях современные писательницы отражают женский мир, составленный из особой чувствительности, острой эмоциональности, крайней откровенности, своеобразной способности сопротивляться трудностям жизни (Кокетти / Cocchetti, 2009: 206–207). В последние десятилетия стали известны своими произведениями многие русские писательницы. Среди них вспоминаются прежде всего такие имена, как Л.С. Петрушевская, В.С. Токарева, Т.Н. Толстая, Л.Е. Улицкая и др. Среди наиболее значительных произведений можно назвать например повесть «Время ночь» (1992) Петрушевской, в которой рассказывается о трудной жизни женщины, лишённой радостей семейной и личной жизни. Все эти писательницы отдают свое предпочтение таким темам, как семья, любовь, страх, одиночество и отчаяние в современном мире; они делятся с нами своими впечатлениями о событиях собственной жизни¹.

Многие современные писатели используют в своём творчестве факты собственной биографии в качестве сюжета и эти сюжетные материалы могут стать основой автобиографической прозы (Кокетти / Cocchetti, 2009). К этому приёму относится и Л. Петрушевская. Автобиографические мотивы в её прозе наблюдаются в романе «Истории из моей собственной жизни» и, в частности, в повести «Маленькая девочка из „Метрополя“», изданной в 2006 году отдельным изданием. Это произведение является главным объектом нашего исследования. В основу этой повести легла

¹ В этой работе не уделяется внимание особенностям других писательниц современной русской женской прозы, данное исследование сосредоточивается прежде всего на характеристиках прозы Петрушевской.

собственная биография – история девочки из семьи репрессированных, выросшей, как многие дети войны, на улице и в детском доме.

В сталинскую эпоху родственники автора подвергались репрессиям. Некоторые из них были арестованы, другие были расстреляны, многим не давали работы, потому что считали их врагами народа. Писательница жила у бабушки и тётки, она вместе с ними пережила тяжёлый голод во время войны (Абдо / Abdo, 2020: 351). «Маленькая девочка из «Метрополя» как образец автобиографизма состоит из нескольких эссе, рассказов и новелл, написанных по разным поводам. Каждое из этих разножанровых произведений сопровождается самостоятельным подзаголовком (Абдо / Abdo, 2020: 352). Для нашего исследования особенно важен рассказ с подзаголовком «Язык придворных». Каждая история жизни автора складывается через описанные ею события. Различные истории связаны между собой и с судьбой автора. Однако, автобиографические мотивы встречаются не только в упомянутых выше повестях, но и в других произведениях писательницы, в том числе в пьесах и рассказах.

Среди множества автобиографических деталей особое место занимает упоминание так называемого «языка придворных» – тайного кода, которым пользовались члены семьи Петрушевской для конспиративного общения в условиях сталинских репрессий. Читая произведения Л. Петрушевской, замечается, что одним из частых мотивов в ее прозе является тот самый тайный код, использованный ее семьей для коммуникации между собой. Можно сказать, что упоминание данного кода считается попыткой писательницы представить настоящую картину истории и внести в сюжет исторический элемент с желанием сохранить семейную память. Дальше объясняются главные цели и задачи настоящей работы:

Цель данной работы – исследовать функционирование «языка придворных» как автобиографического мотива в прозе Л. Петрушевской и выявить его значение для понимания художественного мира писательницы.

Задачи исследования:

1. Определить лингвистическую природу «языка придворных» в контексте тайных языков.
2. Проанализировать использование этого мотива в автобиографических произведениях Петрушевской.
3. Выявить художественные функции «языка придворных» в структуре повествования.
4. Рассмотреть связь этого мотива с темами памяти, семейной истории и исторической травмы.

Основная часть

Для понимания феномена «языка придворных» необходимо обратиться к исследованиям детских тайных языков и тайного языка старообрядцев, поскольку обе лингвистические системы этих языков располагают аналогичными чертами. В поиске

определения того, что такое тайные языки, нам удалось найти интересные исследования, проведенные учёными в XX–XXI веках. Среди них, по нашему мнению, необходимо учитывать исследования профессора Г.С. Виноградова и Н.С. Канатьевой.

Учёный, профессор этнографии, доктор филологических наук, фольклорист Георгий Семенович Виноградов (1886–1945) написал много научных трудов в области этнографии и фольклора. Среди его работ по детскому фольклору есть работа под названием «Детские тайные языки» (Виноградов / Vinogradov, 1926), которая интересна необычной темой и своим содержанием.

Г. Виноградов, изучая жизнь детей, заметил, что в истории каждого детского поколения наблюдатель подмечает процесс, состоящий из трёх частей. Дети до семи лет стараются подражать старшим, их быт характеризуется признаками «первоначальной простоты». Период от семи до 12–13 лет характеризуется наибольшей самобытностью, яркостью; как утверждает Виноградов: «это период цветения и цветущей сложности». Затем наступает третий период – «период вторичной простоты» с его разрозненностью, вялостью, неуверенностью (Виноградов / Vinogradov, 1926).

Самый интересный и содержательный – второй период. В этот период дети всё более погружаются в мир собственной среды и последовательно отдаляются от повседневной жизни взрослых. У них формируются собственные игры и традиции, свои нормы, формы общения и коллективной организации, а также особый фольклор и язык. Именно это отличает детское сообщество в период так называемого «расцвета и усложнения» от взрослого мира. Стремление создать собственный язык служит важным признаком этой автономии: он дает детям возможность скрытно от взрослых выражать свои намерения и реализовывать замыслы, связанные с жизнью внутри группы. Группа детей окружает себя таинственностью, создаёт тайный язык из подражания образцам, чтобы обезопасить себя от насмешек взрослых и вообще людей чужих по интересам, а также из стремления казаться интересными, необыкновенными. В начале XX века различные виды тайных языков были распространены довольно широко, особенно в городах и больших селах. Материалы исследования Виноградова были собраны в разных местах Восточной Сибири: на Амуре (Зея и Благовещенск), в Забайкалье (Чита и Маккавеево), в Иркутской губернии (Иркутск и Тулун), в Енисейской губернии (Красноярск, Енисейск), в Томской губернии. В своем исследовании Виноградов разделил тайные языки на разные виды:

- заумный язык;
- языки из основы и утка²;
- тарабарский язык;
- детский блатной язык (argot).

В данной работе мы будем сосредоточиваться на тарабарском языке, так как его особенности встречаются и в произведениях Петрушевской. Итак, тарабарский язык

² В данном случае слово «уток» употребляется Виноградовым для обозначения искусственных слогов или звуков, которые дети вставляют в обычные слова, чтобы сделать свою речь непонятной для других. Слово пришло из ткацкого дела: уток – это поперечная нить, которую вплетают между основными нитями ткани.

представляет особый интерес для нашего исследования. Это тот же русский язык, но согласные буквы в каждом слове заменяются одни другими, а гласные остаются те же. Ниже проводится таблица, объясняющая, как работает тарабарский язык:

Таб. 1. Тарабарский шифр

Б	В	Г	Д	Ж	З	К	Л	М	Н
Щ	Ш	Ч	Ц	Х	Ф	Т	С	Р	П

Источник: Виноградов / Vinogradov, 1926.

В основе этого языка лежит замена десяти согласных, идущих от начала русского алфавита, на согласные, идущие от конца его. Гласные никуда не переставляются и не заменяются.

Пример: камашамлтий яфыт (тарабарский язык) (Виноградов / Vinogradov, 1926)

Кроме того, интересными являются замечания, предложенные Виноградовым в своём исследовании:

Тарабарский занимает особое место. Тарабарский язык, созданный средней взрослых, существующий едва ли менее полутысячелетия, может быть отнесен к детским тайным языкам только по одному признаку: он усвоен детской средой, перенят ею; но он не ушел окончательно из среды взрослых, создавшей его. В детскую среду он проник, надо думать, тоже через книгу. В моих материалах по детскому языку имеется такая запись: Мы в детстве охотно говорили на тарабарском языке, который вывели из бурсы мои дяди. Они взяли его у Мельникова-Печерского из романа «В лесах». В свое время имели большой спрос среди читателей и «Исторические очерки поповщины» этого автора, где дается ключ к тарабарскому языку и образцы разговоров (Виноградов / Vinogradov, 1926).

Тарабарский язык определяется экспертами тайным кодом какой-либо социальной группы, представители которых не хотят быть понятыми посторонними. Этот язык тесно связан с выражением *тарабарская грамота*, которое сегодня в русском языке обычно употребляется как синоним чего-то непонятного или бессмысленного. Уже с XVIII века этот термин фиксируется в переносном значении и используется для обозначения неразборчивых или тёмных текстов: сначала он относился к скорописному почерку, а затем был распространён на любые области знания, трудные для понимания. Одновременно в XIX веке формируется и закрепляется более узкое, терминологическое значение: *тарабарская грамота* как особый вид зашифрованного письма, применявшийся прежде всего в тайной переписке старообрядцев. Как подчёркивает М.Н. Приёмывшева в своих исследованиях, речь идёт о самостоятельной системе русской криптографии, известной ещё в Древней Руси под названием *литорея* и основанной на условной замене букв³ (этот принцип замены также описывается В.В. Виноградовым в статье о детских тайных языках 1926 года). Данная система была наиболее распространённой в русской криптографической традиции

³ Этот принцип замены также описывается Виноградовым в статье о детских тайных языках 1926 года.

и сохранялась в употреблении до XIX века. По мнению Приёмшевой, выражение *тарабарская грамота* объединяет в себе два плана: фразеологический – как обозначение непонятности, и историко-технический – как название реально существовавшего и социально маркированного тайного кода (Приёмшева, 2007: 106).

Тарабарский язык особенно упоминается в области изучения тайного языка старообрядцев (Канатьева / Kanat'eva, 2013) и в изучении детских тайных языков. По мнению чиновника Министерства внутренних дел Павла Ивановича Мельникова, тайный язык старообрядцев был сочетанием тарабарщины (искаженных слов) и иносказаний, то есть замены одних слов другими, отличными по смыслу. В результате слова «свиньи» и «воруйте» превращались в «лшипыи» и «шомуйке» (Канатьева / Kanat'eva, 2013: 42). Вот что Мельников писал в «Очерках поповщины»:

В иносказательном языке старообрядцев каждое слово имеет не прямое, а другое, условное значение. Нередко соединяют иносказательный язык с тарабарским. Для разговора на таком языке нужно необыкновенно быстрое соображение. Вот пример двойного тайного языка раскольников: “Ры туниси лось ца лымую, нмолувиси па мочохтаж и ллынаси ш лулет”. По переводу с тарабарского языка это будет: “Мы купили соль, да сырую, просушили на рогожах и ссыпали в сусек” [...]. (Канатьева / Kanat'eva, 2013: 42).

Сравнивая примеры, приведенные Виноградовым и Канатьевой и наблюдая схему в выше показанной таблице, можно заметить, что обе системы этих тайных языков похожи друг на друга. К тому же, тайный язык, представленный Петрушевской в ее творчестве, отражает те же самые характеристики. Поэтому, можно сказать, что «язык придворных», о котором пишет Петрушевская, является вариантом именно этой системы.

Как будет показано далее, данный тайный язык в семье Петрушевской получил трагическое историческое наполнение, став средством конспиративного общения в условиях политических репрессий 1930-х годов. Однако, перед тем, как рассмотреть каким образом Петрушевская представляет тайный код в её прозе, по нашему мнению важно кратко описывать стиль и языковые средства, которые считаются главными для авторского стиля Петрушевской и вообще типичными для других современных русских писательниц.

Современные тексты, написанные авторами-женщинами, объединены не только жанровыми сходствами, но и языковыми особенностями (Стрельцова / Strel'cova, 2014). В данной работе будем сосредоточиваться на характерных чертах языка женской прозы, особенно с фокусом на прозе Петрушевской. В первую очередь, важно подчеркнуть, что характерной чертой произведений, написанных женщинами, является частота употребления слов разговорного стиля (Стрельцова / Strel'cova, 2014: 137). Эта черта касается видно и прозы Петрушевской. В ее прозе наблюдается не только большое количество синтаксических конструкций, но и некую динамичность и выразительность. Одной из наиболее характерных черт творчества Петрушевской является использование большого количества слов разговорной и просторечной лексики. В речи её героев присутствуют жаргонизмы, устойчивые речевые штампы, дежурные слова-паразиты: всё то, что определяет разговорную речь русского

человека в современном мире (Белькова, Титаренко / Bel'kova, Titarenko 2016: 79). Её тексты пронизаны словами разговорной речи и просторечия: *баба, пацан, девка, ерунда* и т.д. (Скуднякова / Skudnjakova, 2023: 33–35).

Однако, по мнению некоторых ученых, самое своеобразное в стиле письма Петрушевской состоит именно в употреблении стиля, почерпнутого из разговорной, обыденной жизни, через который и с помощью языковых нарушений писательница строит свои произведения. Кроме того, важно подчеркнуть, что одним из главных признаков стиля Петрушевской является экспрессивный синтаксис, воздействующий резко на читателя. Согласно некоторым ученым, Петрушевская прибегает к использованию лексических языковых средств разговорной речи, чтобы достичь художественного правдоподобия (Скуднякова / Skudnjakova, 2023: 35).

Как уже выше сказано, Петрушевская вносит в свои произведения часто автобиографические элементы из собственной жизни, которые занимают особое место в сюжете её текстов. Главным примером этого приёма считается её автобиографическая повесть «Маленькая девочка из „Метрополя“».

В повести «Маленькая девочка из „Метрополя“», изданной отдельной книгой в 2006 году, Петрушевская воссоздаёт атмосферу своего военного детства. Персонажи повести, за редким исключением, не живут, а выживают. Вещные, бытовые детали отобраны точно и наполнены психологическим содержанием. Голод как вспомогательный и автобиографический мотив занимает большое место в произведении (Монгуш, Чигден / Monguš, Čigden, 2015: 132). Мотив голода пронизывает повесть от начала до конца. Можно сказать, что другим важным автобиографическим мотивом считается тайный код, использованный её семьёй.

Петрушевская признает, что автобиографическая повесть «Маленькая девочка из „Метрополя“» писалась в крайне тяжёлый период, когда она потеряла мать и бабушку. Кроме того, писательница утвердила, что она решила написать эту книгу, чтобы сохранить память о моей семье (Монгуш, Чигден / Monguš, Čigden, 2015: 132).

В повести присутствует маленькая глава с названием «язык придворных», в которой автор пишет:

Они тревожно переговаривались над моей бесшабашной головой, употребляя так называемый «язык придворных», код подпольщиков. Они не знали, что я научилась его понимать, я тоже это скрывала. Я помню, что они ругались словом «чашпо» (Петрушевская / Petruševskaja, 2017: 65).

В этом маленьком отрывке упоминается конкретная лексика: слово «чашпо», то есть ругательство (гавно). Далее Петрушевская вспоминает, как ее Дедя цитировал стишок Пушкина про князя Дундука:

«Отчего же, почему же Дундуку такая честь? Отчего он заседает?» – И тут Дедя торжественно завершал: «Потому что хона есть!» (Петрушевская / Petruševskaja, 2017: 65).

Слово «хона» (то есть жопа) девочка быстро поняла, на улице «огольцы», то есть шпана, ругалась приблизительно так же. Затем Петрушевская подчёркивает семейный характер этого кода:

Вава, моя тетка, недавно открыла мне секрет этого кода. Он назывался у большевиков «язык придворных». Список согласных там делился пополам, и первая буква менялась на последнюю и т. д., «ж» на «х» и обратно, «г» на «ч», «н» на «п». Известное ругательство звучало бы как «жуй». То есть «И-ци-па-жуй», нечто китайское (Петрушевская / Petruševskaja, 2017: 65).

Наблюдая описание кода Петрушевской, можно заметить, что данный код работает так же как тайный язык детей и старообрядцев.

Этот язык упоминается писательницы и в других случаях. В предисловии к книге «История глазами КРОКОДИЛА. Слова. 1922–1937» Петрушевская приводит конкретные примеры того, что такое тарабарский язык и объясняет в чём его функционирование (Петрушевская / Petruševskaja, 2014). Но самое главное состоит в том, что в этом тексте Петрушевская ещё более подробно раскрывает историческое и семейное значение «языка придворных». Как она пишет:

И я в детстве понимала так называемый «язык придворных», на котором говорили у нас дома. Это был на самом деле язык подпольщиков, и им пользовались в случае внезапного ареста, для перестукивания из камеры в камеру, а моя бабушка с теткой – чтобы их никто не понимал (Петрушевская / Petruševskaja, 2014: 5).

Далее следует подробное описание страшных условий, в которых её семья жила:

Мы во время войны жили в эвакуации в Куйбышеве, во враждебной квартире. Причем там обитали военные и «спецы», а мы были члены семьи врагов народа, за неуплату у нас отрезали электричество, и соседи не разрешали ходить в ванную и на кухню – я пробиралась туда только ночью, волокла в комнату помойное ведро. Бабушка с теткой «добывали из ведра картофельную шелуху (не очистки, а соскобленную тонкую, как пленка, кожурку), верхние капустные листья, огрызки и селечные головы... И варили на керосинке суп – когда удавалось достать керосин. И всегда говорили между собой на подпольном наречии (Петрушевская / Petruševskaja, 2014: 6).

Можно сказать, что это описание создаёт контекст, в котором «язык придворных» был не просто семейной особенностью, но служит необходимостью выживания, средством коммуникации.

Петрушевская также подчёркивает уникальность своего знания, приводя пример зашифрованного текста:

Может быть, сейчас я единственный человек, который знает, как писать на этом языке придворных. «Рои щашувта и кекта илносьфошаси кок яфйт, токомыр чошомиси кеммомилкы, ноцносбити, точца иж амелкошышаси и пацо шысо нмемунмецикь о чёр-ко...⁴

Далее Петрушевская подчёркивает трагический исторический контекст и её роль в качестве свидетеля данного языка:

Повторяю: на этом языке они, возможно, перестукивались и на Лубянке. К моменту моего рождения трое из семьи были расстреляны. Итак, я свидетель того

⁴ «Моя бабушка и тетка использовали тот язык, которым говорили террористы, подпольщики, когда их арестовывали и надо было предупредить о чём-то...» (расшифровка сделана автором).

языка, языка 1930-х гг. На нем говорили мои родные. Правда, они никогда не ругались матом. И я не умею (Петрушевская / Petruševskaja, 2014: 6).

Язык придворных упоминается и в другом тексте писательницы с названием «Серебряный бор». В этом автобиографическом эссе, вошедшем в сборник «От первого лица. Разговоры о прошлом и теперешнем» в 2012 году, Петрушевская раскрывает историю своей семьи и обстоятельства собственного зачатия в августе 1937 года – во время Большого террора. Писательница описывает, как ее будущая семья сидела в Серебряном Бору, на госдаче брата бабушки. Положение в их семье было отчаянным. Неожиданно мама Петрушевской, её тетка Вера и её бабушка Валентина Ильинична стали ЧС, членами семьи врагов народа. Шли допросы, и родня ждала следующих арестов.

Петрушевская подчёркивает конспиративную природу семейного быта:

Мои жили как на конспиративной явке, бабушка по судьбе была подпольщица, несостоявшаяся террористка, член партии с 1912 года. Всю жизнь они с дочерью говорили на так называемом «языке придворных». Я в раннем детстве понимала этот язык, но по конспиративной привычке скрывала это от них (Петрушевская / Petruševskaja, 2012: 7).

Описывая ночные страхи своей бабушки Валентины, мучающейся бессонницей, прислушивающейся к шагам на гравии в ожидании ареста, Петрушевская приводит воображаемый диалог на «языке придворных» между тётей и бабушкой:

– Ша, ды ще кбача? Обядь?

– Цдо-до шолью обядь зотич. Бвяш ще сошу.

(«Ма, ты не спала? Опять?» – «Кто-то ночью опять ходил. Прямо не могу».) (Петрушевская / Petruševskaja, 2012: 8).

При этом автор оговаривается: «Причем я ни в чем не уверена, вроде бы они говорили не так...» (Петрушевская / Petruševskaja, 2012: 8).

В пьесе «Голова отца, или Щаца» (2011) мотив «языка придворных» получает дополнительное развитие. Само название текста содержит зашифрованное слово «щаца» (баба). Эта пьеса в форме монолога рассказывает о психически больной женщине средних лет, которая живёт в Москве с сыном Вадиком в коммунальной квартире и делает из пластилина голову своего умершего отца. В течение истории постепенно открывается, что Вадик родился от связи с её собственным отцом (художником), и эта травма связана с тем, что отец бросил их ради другой женщины, после чего умерла мать Щацы. Затем начинается новый кризис: Вадик встречается с Хавой, молодой беженкой, которая прячется в их квартире. В своём безумии женщина хочет воскресить отца через скульптуру, чтобы защитить квартиру от Хавы, и в конце признаётся пластилиновой голове в своей любви к отцу. В тексте героиня рассказывает о своей матери и об отце:

Она стеснялась своего туловища, своей толстой хоны, и потому всю жизнь ходила в рваном халате... Отец называл это «эка ее хона». Так его бабушка-большевичка говорила, это назывался «язык придворных». Отец говорил, шутливо так: «шле

щаци цумы», то есть «все бабы дуры». Я его баба, его щаци, я его одна понимала! Папа! (Петрушевская / Petruševskaja, 2011: 219).

В этом случае можно сказать, что тайный язык становится маркером особой близости, исключительного понимания между отцом и дочерью. Знание языка превращается в знак интимной связи, особого средства взаимопонимания. Интересным является тот факт, что здесь автобиографический мотив оказывается вне автобиографической прозы, показывая метод Петрушевской создать свои произведения на основе собственного опыта.

Во всех выше показанных примерах можно отметить, что Петрушевская неоднократно подчёркивает уникальность своего знания этого кода. Приводя конкретные примеры характеристик этого тайного языка, писательница превращается в свидетеля эпохи, в хранительницу утраченного не только семейного, но и культурного кода. Это язык, связанный с конкретными историческими событиями. Читая строки Петрушевской, мы понимаем, что речь идёт о семейном жаргоне, напрямую связанном с трагедией политических репрессий, с которыми Петрушевская позиционирует себя как свидетеля.

К тому же можно предположить, что «язык придворных» создаёт в произведениях Петрушевской особую атмосферу конспирации, страха, закрытости. Через образ секретного языка Петрушевская показывает, как её семья жила в своем замкнутом мире, изолированном от окружающих не только социально (они считались врагами народа), но и лингвистически. Всё это усиливается деталями быта и ужасными условиями, к которым её семья привыкла. Можно сказать, что в данном случае «язык придворных» становится последним убежищем, пространством, где семья могла говорить свободно.

Кроме того, можно предположить, что данный язык каким-то образом выполняет функцию передачи семейной памяти. Знание этого языка становится символом семейного наследия и в то же время способом сохранения памяти о периоде репрессий. Этот язык связывает три поколения: революционеров-подпольщиков (прадед Илья Сергеевич Вегер, «старый большевик»), мать, тётю и саму будущую писательницу. Согласно этому образу язык становится наследием, которое передаётся из поколения в поколение. При этом видно намерение писательницы сохранить память о собственной семье, прибегая к этому автобиографическому мотиву: «Я написала эту книгу, чтобы сохранить память о моей семье» (Монгуш, Чигден / Monguš, Čigden, 2015: 132). Так «язык придворных» в литературном тексте становится способом сохранения семейной и исторической памяти и актом сопротивления забвению.

Как уже было отмечено выше, Петрушевская выполняет роль свидетеля и хранительницы этого тайного языка и семейной памяти. Но не только. Если обратить внимание на то, что рассказывает писательница в собственном автобиографическом произведении, понятно, что этим кодом пользовались не только её родственники:

Они не знали, что я научилась его понимать, я тоже это скрывала [...] Слово «хона» я быстро поняла, на улице «огольцы», то есть шпана, ругалась приблизительно так же (Петрушевская / Petruševskaja, 2017: 65).

Рассматривая особенности детского тайного языка, описанные Виноградовым и то, что рассказывает Петрушевская о ненормативной лексике так называемых «огольцев», можно сказать, что мотив «языка придворных» в прозе Петрушевской функционирует как связующее звено между личной биографией автора и большой историей страны. Так, Петрушевская является не только свидетелем и хранительницей семейной памяти, но и коллективной. Этот язык каким-то образом пронизывает прозу писательницы в качестве связи личной и исторической травмы. Надо сказать, что автобиографическое и историческое в книге «Маленькая девочка из „Метрополя“» Петрушевской соединяются и сливаются в одно целое. Через собственную судьбу она выражает судьбу большинства русского народа советской эпохи (Абдо / Abdo, 2020: 361).

Согласно Абдо, Людмила Стефановна Петрушевская – одна из крупных представителей автобиографизма современной русской литературы. Её книга «Маленькая девочка из „Метрополя“» является образцом этого приёма постмодернистской эстетики. Автобиографизм представляет собой один из значительных художественных методов в литературе. Это трансформация автором событий и сведений из своей собственной жизни или отражение им жизненного материала в литературно-художественном произведении (Абдо / Abdo, 2020: 344). Автобиография считается документальным жанром, в рамках которых автор пишет сам про себе и описывает свою собственную жизнь. В данной прозе встречаются традиционные жанры: дневники, письма, очерки, эссе и другие тексты, основанные на реальных событиях из жизни автора. Все эти жанры объединяет одна общая тема – личность главного героя. Современные писатели, которые пишут о себе, опираются на документы и факты, используя различные доказательства. В книге «Маленькая девочка из „Метрополя“» Абдо выделяет три дискурса – литературный, автобиографический и исторический (Абдо / Abdo, 2020: 352).

Литературный дискурс занимает центральное место в книге. Писательница уделила большое внимание разговору о своих литературных выступлениях, пересказу классических произведений собственным стилем, объяснению того, что такое каждый жанр, средства его выражения. Относительно автобиографического дискурса писательница вводит истории из своей собственной жизни, рассказывает о прошлом, о детстве, об отрочестве, о школьных и университетских историях, о первой любви, о юности и о работе. Что касается исторического дискурса, произведение Петрушевской представляет собой панораму общественной жизни критического периода русской истории. Это время Великой Отечественной войны (1939–1945), послевоенные годы, массовый голод (1946–1947), возникший из-за последствий войны, всё это показывается как хронология многих фактов в переломные периоды русской истории. Как подчёркивает Абдо, все эти три дискурса, литературный, автобиографический и исторический объединены вместе в один текст, сливаются между собой, образуют сюжет книги. Более того, Абдо утверждает, что язык Петрушевской – художественно достоверный и самобытный. На основании этого, можно сказать, что Петрушевская выступает как свидетель реального исторического феномена. Достоверность этого языка объясняется тем, что она приводит конкретные

примеры, объясняя систему шифрования, давая расшифровки. Кроме того, используя богатство и выразительность синтаксиса, она непосредственно смогла выразить свои мысли, чувства и мировоззрение.

Кроме того, автобиографизм как особый приём применяется Петрушевской, как указывают Е. Монгуш и Н. Чигден не только в формировании идейно – эстетической картины мира, но и на сюжетном уровне, где на переднем плане прослеживается не просто личная судьба писательницы, а судьба её поколения (Монгуш, Чигден / Monguš, Čigden, 2015: 130).

Другой чертой прозы Петрушевской является метатекстовый характер. Метатекстовые комментарии о самом языке, его происхождении и функциях превращают художественный текст в свидетельство и этнографический документ. Это можно предположить на основе того, что Петрушевская объясняет как работает тайный код за счёт замены букв.

Как отмечает Кукулин, автобиографический мотив в прозе Л. Петрушевской следует рассматривать в рамках усиления в прозе последнего десятилетия XX века автобиографизма и особого рода репортажности (Монгуш, Чигден / Monguš, Čigden, 2015). «Язык придворных» становится центральным элементом этого автобиографизма, конкретной деталью, через которую раскрывается эпоха террора.

В контексте женской прозы автобиографический мотив приобретает особое значение. Поскольку женская проза характеризуется особой чувствительностью, острой эмоциональностью, крайней откровенностью. Петрушевская в своих автобиографических текстах демонстрирует всё это, описывая откровенно, эмоционально семейные трагедии, психологические нюансы и детали быта. «Язык придворных» в этом контексте становится символом женского способа сохранения памяти, передаваемый элемент от бабушки к дочери, от матери к внучке. Таким образом, Петрушевская подчёркивает женскую линию передачи: всю жизнь они говорили на так называемом «языке придворных» (Петрушевская / Petruševskaja, 2012).

Заключение

Подводя итоги на основе проведенного исследования, «язык придворных» в прозе Л. Петрушевской является не только особой деталью и элементом повествования, но и центральным автобиографическим мотивом, позволяющим писательнице соединить личную историю с историей страны, память о семье – с памятью о репрессиях, детский опыт – с трагедией целого поколения.

Этот мотив показывает, как в условиях тоталитарного режима тайные языки наполняются трагическим содержанием, как историческая травма передаётся через поколения и закрепляется в языке. «Язык придворных» становится символом этой памяти, которую писательница старается сохранить.

Фиксируя «язык придворных» в своих произведениях, Петрушевская выполняет важную культурную функцию – сохраняет для будущего свидетельство о времени, о людях, которые пытались выжить в трагический период русской истории.

В контексте женской прозы этот мотив приобретает дополнительное значение: женский мир – мир памяти, семейных связей, передачи опыта от матерей к дочерям – оказывается пространством сохранения исторической правды.

«Язык придворных» как автобиографический мотив показывает, как индивидуальная память становится частью коллективной памяти, как личная история превращается в историческое свидетельство, как художественная литература выполняет функцию сохранения культурного наследия. В этом и заключается ценность автобиографической прозы Петрушевской.

Библиография / Bibliografiâ

Абдо Д.М. (2020), *Новый автобиографизм в русской литературе на материале книги «Маленькая девочка из Метрополя» Л. Петрушевской*, «ALSUN Journal», т. 37, № 73, с. 339–366 / Abdo D.M. (2020), *Novyj avtobiografizm v russoj literature na materiale knigi «Malen'kaja devočka iz Metropolja» L. Petruševskoj*, «ALSUN Journal», t. 37, № 73, s. 339–366.

Белькова А.Е., Титаренко С.В. (2016), *Речевые средства выражения авторского сознания в произведениях Людмилы Петрушевской*, [в:] А.В. Коричко (отв. ред.), *Восемнадцатая всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета*, Нижнеартовск: Нижнеартровский университет, с. 78–81 / Bel'kova A.E., Titarenko S.V. (2016), *Rečevye sredstva vyraženiya avtorskogo soznaniya v proizvedenijach Ljudmily Petruševskoj*, [v:] A.V. Koričko (otv. red.), *Vosemnadcataya vserossijskaya studenčeskaya naučno-praktičeskaya konferencija Nižnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*, Nižneartovsk: Nižneartovskij gosudarstvennyj universitet, s. 78–81.

Виноградов Г.С. (1926), *Детские тайные языки*. «Сибирская живая старина», № 6, с. 87–112 / Vinogradov G.S. (1926), *Detskie tajnye jazyki*, «Sibirskaia živaja starina», № 6, s. 87–112.

Канатьева Н.С. (2013), *Тайный язык старообрядцев*, «Научное мнение», № 8, с. 41–45 / Kanat'eva N.S. (2013), *Tajnyj jazyk staroobryadcev*, «Naučnoe mnenie», nr 8, s. 41–45.

Кокетти С. (2009), *Поговорим о России. Введение в русскую культуру*, Милан: Hoepli / Cocchetti S. (2009), *Pogovorim o Rossii. Vvedenie v russkiju kul'turu*, Milan: Hoepli.

Монгуш Е.Д., Чигден Н.Д. (2015), *Автобиографический мотив в прозе Л. Петрушевской*, «Национальная ассоциация ученых», № 5–4(10), с. 130–132 / Monguš E.D., Čigden N.D. (2015), *Avtobiografičeskij motiv v proze L. Petruševskoj*, «Nacional'naja asociacija učenyh», № 5–4 (10), s. 130–132.

Петрушевская Л. (2006), *Маленькая девочка из «Метрополя»*, Санкт-Петербург: Амфора / Petruševskaja L. (2006), *Malen'kaja devočka iz «Metropolja»*, Sankt-Peterburg: Amfora.

Петрушевская Л. (2011), *Не садись в машину, где двое: истории и разговоры*, Москва, Санкт-Петербург: АСТ Астрель-СПб / Petruševskaja L. (2011), *Ne sadis' v mašinu, gde dvoe: istorii i razgovory*, Moskva, Sankt-Peterburg: AST Astrel'-SPB.

Петрушевская Л. (2012), *Серебряный Бор*, [в:] *От первого лица. Разговоры о прошлом и теперешнем*, Москва: Астрель / Petruševskaja L. (2012), *Serebrjanyj Bor*, [v:] *Ot pervogo lica. Razgovory o prošlom i teperěšnem*, Moskva: Astrel'.

Петрушевская Л. (2014), *О чем речь*, предисловие к книге «История глазами КРОКОДИЛА. XX век. Слова. 1922–1937», <https://petrushevskaya.livejournal.com/331759.html> [доступ: 10.11.2025] / Petruševskaja L. (2014), *O čem reč*, predislovie k knige «Istorija glazami KROKODILA. XX vek. Slova. 1922–1937», <https://petrushevskaya.livejournal.com/331759.html> [dostup: 10.11.2025].

Петрушевская Л. (2017), *Никому не нужна. Свободна*, Москва: Эксмо / Petruševskaja L. (2017), *Nikomu ne nižna. Svobodna*, Moskva: Ėksmo.

Приёмышева М.Н. (2007), *Тарабарская грамота*, «Русская речь», № 4, с. 106–110 / Priemyševa M.N. (2007), *Tarabarskaja gramota*, «Russkaja reč», № 4, s. 106–110.

Скуднякова Е.В. (2023), *К вопросу о лексических языковых средствах разговорной речи в рассказе Л.С. Петрушевской «Не садись в машину, где двое»*, [в:] Е.В. Скуднякова, *Проблемы управления качеством образования*, Санкт Петербург: Сентябрь, с. 33–35 / Skudnjakova E.V. (2023), *K voprosu o leksičeskich jazykovych sredstvach razgovornoj reči v rasskaze L.S. Petruševskoj «Ne sadis' v mašinu, gde dvoe»*, [v:] *Problemy upravlenija kačestvom obrazovanija*, Sankt Peterburg: Sentâbr', s. 33–35.

Стрельцова Е.А. (2014), *Языковые особенности художественных текстов В. Токаревой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой*, «Вестник Череповецкого государственного университета», № 3(56), с. 137–140 / Strel'cova E.A. (2014), *Jazykovye osobennosti chudožestvennyh tekstov V. Tokarevoj, L. Petruševskoj, L. Ulickoj*, «Vestnik Čerepoveckogo gosudarstvennogo universiteta», № 3(56), s. 137–140.